

Лена Толд
СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

Незаметная

ЖЕНА

Лена Голд
Ненужная жена

«Автор»

2026

Голд Л.

Ненужная жена / Л. Голд — «Автор», 2026

Мой муж лежит на диване. Над ним, склонившись, стоит моя сводная сестра.— Алекс — шепчу онемевшими губами. Стелла резко отскакивает, берет рубашку Саши, пытается прикрыть себя. Муж хмурится, оглядывая помещение. Глаза покрасневшие. Он, кажется, сам в шоке. Наверняка от того, что я застучала его. Он садится на диване.— Настя, ты все не так поняла, — подает голос Стелла.— Все правильно она поняла, — отрезает муж. — Потолстела. Стала похожа на корову. А я стройных цыпочек люблю.— Что? — в шоке от услышанного не могу выдавить ничего другого.— Что слышала, Настя? Ты мне больше не нужна. Давно хотел развестись, но Короче, теперь сама подашь на развод, и я, наконец, от тебя избавлюсь. Стелла, сложив руки на груди, начинает смеяться.— Ненужная ты жена, Настя. Не умеешь крутого мужика рядом держать, а я вот умею. Оставь нас в покое, ясно? Дай быть счастливыми. Я беременна от Саши! Рожу ему ребенка, которого ты за много лет никак не родила.

© Голд Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лена Голд

Ненужная жена

Глава 1

«Сегодня приеду поздно. Не жди», — получив сообщение от мужа, читаю и, сразу же спрятав телефон в сумку, толкаю стеклянную дверь. Отвечу, когда выйдем отсюда. Хотя и назойливая мысль, что он в последнее время слишком часто задерживается, не дает покоя.

Опираясь на плечо Оли, иду рядом с ней по коридору женской консультации. Нервничаю так сильно, будто это я нахожусь в деликатном положении, а не она. Ее нервозность передается и мне. Она два года хочет ребенка, как и ее муж, но не получается. У нас с мужем тоже...

В кабинете УЗИ пахнет антисептиком. Надежда Петровна, мать лучшей подруги Оли, встречает нас теплой, немного усталой улыбкой.

— Ну что, наша мамочка, заждались? Давайте посмотрим на ваше сокровище, — ее голос звучит успокаивающе.

Я отхожу к стене, прислоняюсь к прохладной поверхности и наблюдаю, как Оля, сияя, устраивается на кушетке. Экран повернут к ним. Надежда Петровна водит датчиком. Ее лицо озаряется интересом, а потом мягкой радостью.

— Вот он, солнышко! Все прекрасно, сердечко бьется, как моторчик, — говорит она. Оля заливается счастливыми слезами, тут же хватая телефон, чтобы сфотографировать размытое серое пятнышко на экране.

— Я хочу...

— Не нужно. Я тебе дам фотографию, — усмехается женщина.

— Ой! Я просто нервничаю! Совсем забыла!

Во мне клокочет целая буря чувств. Радость. Нежность. Ну и ноющая пустота где-то под ребрами. Мы с Сашей... мы почти перестали говорить об этом. После трех лет безуспешных попыток стать родителями тема ребенка стала для нас табу.

Процедура заканчивается. Оля, сияющая, вытирает живот, уже строя планы, как сообщит новость родителям. Надежда Петровна печатает заключение.

Закончив с Олей, она устремляет взгляд на меня.

— А у тебя какой срок, Настя? — звучит ее вопрос.

Кровь отливает от лица, а ладони моментально становятся ледяными и влажными. Конечно, я теряюсь и не знаю, что сказать. Она наверняка что-то поняла не так.

— Я... — голос срывается, превращаясь в хриплый шепот. Качаю головой, пытаюсь отшутиться, но получается только жалкая гримаса. — Я не беременна.

Надежда Петровна откидывается на спинку стула. Ее тонкие, темные брови ползут вверх. Она не улыбается.

— Кхм... Знаешь, девочка, — начинает она. — Я столько лет работаю здесь, что по глазам могу понять, беременна женщина или нет. А у тебя... эти глаза, — смотрит пристально. — Ты точно беременна.

Не имею ни малейшего представления, что ответить женщине. Она дает мне надежду, которую я давно перестала себе давать. Столько раз после задержек я делала тест и получала отрицательный результат. Больше не хочу. Устала.

— Нет, Надежда Петровна...

— Когда в последний раз у тебя были месячные? — продолжает врач, перебивая.

Машинально вытаскиваю из сумки телефон. Пальцы дрожат, скользят по стеклу. Я открываю календарь, где отмечены красным крестиками те дни. Дни, которые я почти перестала ждать.

— Месяц и десять дней назад, — выдавливаю я, глядя на цифры, вдруг потерявшие всякий смысл.

— Ну во-о-от... — растягивает Надежда Петровна. — У тебя же задержка.

Защитная стена внутри меня дает трещину. Я цепляюсь за последний аргумент. Привычную правду своей жизни.

— У меня всегда так было! Нерегулярный цикл. А последние два года... — глотаю ком в горле, — порой даже раз в два месяца. Из-за работы... Стрессов.

Смотрю на нее умоляюще, чтобы она согласилась, кивнула, отпустила. Хоть и безумно хочется, чтобы она оказалась права. Надежда Петровна снова хмурит свои тонкие брови. Ее взгляд неумолим. Она видит сквозь меня.

— Ложись, — говорит она мягко, но так, что не поспоришь. Встает и накрывает кушетку свежей пленкой. — Проверим. Хоть и уверена на все сто процентов.

Ноги становятся ватными. Я смотрю на Олю. Она улыбается, но видно, что это у нее нервное. Ложусь. Холодная клеенка щекочет кожу поясницы.

— Живот, — коротко командует Надежда Петровна.

Задираю свитер и кофту. Воздух холодный. Она наносит гель, который ледяным пятном обжигает кожу, заставляя вздрогнуть. Я закрываю глаза.

«Не смей надеяться, Настя. Не смей. Это будет слишком больно», — шепчу себе.

Тишина в кабинете, нарушаемая моим собственным громким дыханием, давит на оголенные нервы.

— Ага! — слышу голос Надежды Петровны. Я резко открываю глаза. Она пристально смотрит на экран, ее лицо сосредоточено. Щелчки мышки. Еще одно движение датчика.

Потом она поворачивает монитор.

Сначала я вижу только черно-белое пятно, абстрактную графику. А потом она включает звук, который заполняет всю вселенную — частый, невероятно живой стук:

Бу-бум. Бу-бум. Бу-бум.

— Вот, — говорит Надежда Петровна удовлетворенно. Она указывает на крошечную точку в центре темного овала. — Поздравляю, мама. Срок — пять недель. Сердечко бьется отлично.

Не верю. Нет. Это... невозможно! Я перестала думать о беременности, да и Саша в последнее время не заикливался. Но сейчас...

— Вы... уверены, Надежда Петровна?

Она усмехается.

— Похоже, что шучу? У вас с Олей почти одинаковый срок. Глядишь, в один день родите.

— Спасибо за прекрасную новость. Просто... Это очень неожиданно. Мы в шоке, Надежда Петровна.

Спустя пятнадцать минут мы наконец выходим из здания. Не могу принять факт, что я беременна. Это кажется фантастикой.

— Какие планы? Поедем к родителям и предоставим двойной сюрприз? — предлагает сестра.

— Нет, я куплю торт и поеду к Саше в офис.

— Окей, как хочешь. Стелла все еще работает с ним?

— Угу.

Стелла — наша сводная сестра, о которой мы узнали несколько месяцев назад. Студентка. Как-то сказала мне, что ей негде работать и не на что жить, а от отца не хочет что-либо просить. Не может его простить, что он когда-то отказался от нее. Я ее понимаю. Быстро

приняла ее, в отличие от Оли. Она же по сути ни в чем не виновата. За ошибки взрослых не должны расплачиваться дети. Попросила Сашу, чтобы он дал ей работу. Он согласился, но... Оля не одобряет мой поступок до сих пор.

— Ты смотри, будь аккуратней. Не нравится она мне. Слишком легкомысленная. Уведет твоего мужа, потом не ной мне, слышишь?

— Боже, Оль, не драматизируй, пожалуйста...

— Я просто предупредила. Ладно, я такси вызову, а ты езжай.

— Давай отвезу...

— Нет, я сама. Иди к мужу, — целует меня в щеку и уходит.

Купив по дороге небольшой торт в форме сердца, еду в офис мужа.

Постукиваю каблуками по паркету. Секретарский пост пуст. Стул отодвинут, на столе стоит недопитый стакан с водой. Меня обдает странным предчувствием. Не понимаю почему, но мне как-то не по себе. Дверь в кабинет Саши приоткрыта.

Из-за тяжелой дубовой двери доносится звук. Сдавленный женский смешок и низкий, знакомый до мурашек хриплый смех Саши, который бывает у него, когда он расслаблен, доволен... когда он...

Черррт!

Толкаю дверь, которая бесшумно поддается.

Его кабинет в полумраке. Шторы не задернуты.

Мой муж лежит на диване. Его рубашка скомкана и брошена на пол. Он в одних брюках. Ремень расстегнут, металлическая бляха тускло блестит. Глаза закрыты, голова запрокинута, а на губах улыбка.

Над ним, склонившись, стоит Стелла. Ее темные распущенные волосы скрывают лицо, скользят по его обнаженной груди. Однако я узнаю ее из тысячи.

Коробка выскальзывает из рук, глухо шлепается на ковер. Я смотрю то на торт, то на них. Мой мозг отказывается соединять эти картинки.

Я беременна.

У нас будет ребенок.

А он здесь. На диване. С другой женщиной.

Вот почему он говорил, что приедет поздно...

Не могу дышать. Горло сжато ледяным обручем. Я пытаюсь сделать шаг, крикнуть, но ноги стали чугунными, а в ушах только нарастающий бешеный стук.

— Алекс... — шепчу онемевшими губами.

Стелла резко отскакивает, берет рубашку Саши, пытается прикрыть грудь.

Муж хмурится, оглядывая помещение. Он, кажется, сам в шоке. Наверняка от того, что я застала его. Он садится на диване.

— Настя, ты все не так поняла, — подает голос Стелла.

— Все правильно она поняла, — отрезает муж. — Потолстела. Стала похожа на корову. А я стройных цыпочек люблю.

— Что? — в шоке от услышанного, не могу выдать ничего другого.

— Что слышала, Настя. Ты мне больше не нужна. Давно хотел развестись, но... Короче, теперь сама подашь на развод, и я, наконец, от тебя избавлюсь.

Стелла, сложив руки на груди, начинает смеяться.

— Ненужная ты жена, Настя. Не умеешь крутого мужика рядом держать, а я вот умею... Оставь нас в покое, ясно? Дай быть счастливыми. Я беременна от Саши! Рожу ему ребенка, которого ты за много лет все не родила.

Глава 2

Я разворачиваюсь. Просто разворачиваюсь на каблуке, который чуть не соскальзывает с края паркета. Мои ноги — не мои. Я их не чувствую. Скорее, это две деревянные колодки, которые как-то сами, без моего участия, выносят меня из кабинета. Я не смотрю назад. Не могу. Если обернуться, я рассыплюсь на месте, как башня из песка.

Я иду по коридору. Мимо пустого секретарского стола. Мимо безразличных дверей. Нажимаю кнопку лифта. Он тут же со зловещим шиком открывается, будто ждал только меня. Зеркальные стены показывают мне бледное лицо с огромными пустыми глазами. Я не узнаю это лицо. Лифт плавно едет вниз, внизу живота покалывает. Меня тошнит. Мысленно благодарю бога, что никто не видит мое состояние. Сегодня тут слишком тихо, и это даже к лучшему. Господь божий не хочет, чтобы я опозорилась перед людьми.

Выхожу в вестибюль. Прохожу мимо швейцара, который кивает мне: «Госпожа Савицкая». Его голос доносится как из-за толстого стекла. Я выхожу на улицу, не отвечая ему. Вечерний воздух влажный и холодный. Он не освежает. Он как вата, которой затыкают рот.

Моя синяя машина стоит неподалеку. Сажусь за руль, завожу двигатель. Пальцы сами находят нужные движения. Ремень безопасности пристегивается с щелчком, прижимая меня к креслу — и это, пожалуй, единственное, что сейчас удерживает меня от того, чтобы не разлететься на куски.

Я выезжаю. Руки крепко держат руль, костяшки пальцев белеют. Смотрю на дорогу, проезжающие мимо машины и красные стоп-сигналы впереди. Но я ничего не вижу. Перед глазами стоит та же картинка, застывший кадр: его голова на подушке, его улыбка, расстегнутый ремень, чужие волосы на его коже.

Горит красный свет светофора. Я останавливаюсь. Рука снова тянется к животу. А внутри... внутри тишина. Того яростного, обнадеживающего стука больше не слышно. Только пустота.

«Он будет рад?» — утренний вопрос теперь звучит как жестокое издевательство.

Я еду дальше. Куда-то на окраину, где дома ниже и улицы темнее. Нужно куда-то деться. Не в нашу берлогу, которую мы купили два года назад. Дом — это он. Там его вещи, его запах, наши фотографии. Туда я сейчас не могу.

Наконец замечаю темный пустырь возле старого парка, сворачиваю и глушу двигатель. В гробовой тишине до меня доходит...

Это конец...

Сначала просто сжимается горло. словно невидимые руки начинают меня душить, перекрывать доступ к кислороду. Потом сводит живот. Ощущение, будто меня ударили ножом под дых. Я открываю рот, чтобы вдохнуть, из меня сразу вырывается крик.

Слезы хлещут потоками. Они текут по лицу, капают на руль и мои колени. Я не всхлипываю, не плачу — я реву. Громко, безутешно, захлебываясь. Каждый вдох — это спазм, каждое воспоминание — новый удар.

Столько лет прошло... Наша свадьба, где он не отходил от меня ни на шаг. Вечера, когда он, уставший, клал голову мне на колени. Его слова:

«Ты мой дом, Настя. Ты мое все!». Ложь. Все было ложью. Или нет... Может, тогда это была правда? Когда это кончилось? Когда он перестал видеть во мне дом и стал видеть просто... обстановку?

Самое страшное в том, что я не чувствую никакого гнева. Гнев придет позже. Сейчас во мне живет только унижительная боль. Боль от предательства. Боль от того, что мой мир, который я так бережно строила, оказался картонным домиком. И боль за крошечного, безза-

щитного человека внутри меня, который уже никому, кроме меня, не нужен. Которого отец... предал еще до рождения.

Бьюсь лбом о руль, не чувствуя боли. Кричу в пустой салон, пока не садится голос. Потом просто сижу, трясясь в немой истерике с лицом мокрым от слез.

Остаюсь одна в полной темноте. С разбитым сердцем и хрупкой жизнью внутри, которая теперь стала единственным утешением и... напоминанием о предателе.

Еду, куда глядят глаза. Руки сами поворачивают руль, светофоры сменяют друг друга, а в голове густой туман. Он не глушит боль, а делает ее беззвучной и давящей.

Вижу ресторан с большими окнами. Паркуюсь и, покинув салон, на ватных ногах захожу в заведение. Запах еды вызывает легкую тошноту. Прошу столик у окна и чайник чая.

— Больше ничего? — спрашивает официантка. Я качаю головой.

Кусок в горло не ползет. Знала бы, с каким треском сегодня разбился мой мир. Как мои мечты треснули.

Муж унизил меня перед сводной сестрой, которую только я и приняла. Которую поддерживала и считала невинной в том, что сделали взрослые. Боже, знала бы я, как она подло поступит со мной, наверное, никогда не стала бы помогать...

Глядя на чашку чая, думаю, как жить дальше. Что теперь?

К родителям? Нет. Мама сразу все поймет по моему лицу. Они будут смотреть на меня с жалостью. Начнут задавать вопросы, на которые у меня нет ответов. Отец будет защищать Стеллу, а мать — злиться на него. Опять начнется война между родителями. Они же помирились недавно... Я не хочу, чтобы снова разошлись.

Прямо крутятся в голове слова отца, которые он мне, уверена, скажет:

«А может, ты что-то не так поняла?» «Стелла не такая... Она же знает, как сильно вы с Сашей любите друг друга...»

А любит ли? Он назвал меня короной. Да, я на пару килограммов стала больше, но не такой толстой... Я же модель, и в моей работе это нереально... У меня контракты, проекты, куда меня тщательно подбирали.

Я не вынесу жалости со стороны родителей. Не могу быть их несчастной дочерью, которой нужна защита. А еще больше не хочу, чтобы мама с папой разошлись.

Позвонить Оле? Тянусь к карману, чтобы достать телефон, но его нет... наверняка оставила в машине. Да и рассказать ей не решилась бы. Ведь она предупреждала...

Говорила, что не стоит верить Стелла. Сводная сестра изначально не понравилась Оле.

Ее слова, сказанные сегодня днем, когда мы выходили из больницы, звенят в ушах. Да, она говорила это не со зла. Чувствовала, значит. Или же... может, что-то видела? А я отмахнулась. Не восприняла всерьез. А теперь... Теперь, если я позвоню, она может и станет утешать, но в то же время повторять те же слова, что говорила утром. Ее упрек убьет меня окончательно. Не могу. Не могу слышать это «я же предупреждала» от самого близкого человека. Это будет последней каплей.

Допиваю чай, оставляю на столе деньги и выхожу. Снова сажусь в машину.

Часы на приборной панели показывают половину второго ночи. Надо поехать домой. Как бы ни хотелось, но деваться некуда.

Подъезжаю к нашему дому. Вернее, к его дому, в котором я жила. Окна темные, гараж пуст. Какая-то жалкая надежда, что машина все же будет там и мне придется столкнуться с ним лицом к лицу, гаснет. Толкаю дверь и вхожу в гробовую тишину. Тут пахнет моими духами.

Я не включаю свет в прихожей. Лунный свет из гостиной слабо серебрит паркет. Сбрасываю туфли. Я чуть ли не упала сегодня в его офисе. Иначе вдвойне опозорилась бы.

Каждый шаг по знакомому пространству — как удар током. Даже мысли не было, что когда-то муж мне изменит. Что мне придется собирать вещи и сваливать куда глаза глядят.

— Черт! — нервно усмехаюсь, вспоминая, что у меня есть квартира, где я смогу жить. И почему не додумалась? Зачем ехать к родителям или же сестре, если они будут сыпать соль на рану?

Оглядываюсь, злясь на саму себя... Вот зеркало в полный рост, в котором я недавно проверяла, как сидит на мне новый костюм перед важной встречей. А Саша обнимал меня сзади, целовал и шептал, что я прекрасна. Прошло всего пару недель, а сегодня он сказал обратное...

Когда он стал двуличным лицемером? Почему я не заметила в нем изменения?

Как ненормальная продолжаю смотреть в зеркало, вижу в нем свое бледное отражение — призрак в дорогом платье. А на губах застывшая нежная улыбка.

На подлокотнике дивана все еще видна вмятина от его головы, оставшаяся с прошлого вечера, когда он смотрел тут футбол. Рядом, на журнальном столике, стоят два бокала. В одном остатки вина, на другом — следы от моей помады. Как хорошо, что я не пью алкоголь. Иначе могла бы нечаянно навредить малышу.

Алекс смеялся. Смотрел мне в глаза. Лгал.

На каминной полке находятся фотографии. Наша свадьба. Я в платье, он смотрит на меня так, будто я весь его мир. Отпуск на Мальдивах, где он носил меня на руках по пляжу. Ставлю рамку лицом вниз. Не могу смотреть.

Иду в спальню. Наша кровать огромна и безжизненна. На его тумбочке книга, которую он читал, и часы. На моей — крем для рук и зарядка от телефона. Все так привычно...

Захожу в гардеробную. Включаю свет.

Беру с верхней полки большую дорожную сумку и чемодан на колесах. Начинаю складывать в них свои вещи. В первую очередь документы и паспорт.

Забрав сумку с чемоданом, ставлю их в прихожей у двери, рядом с брошенными туфлями.

Силы покидают меня. Ноги подкашиваются. Я опускаюсь на диван в гостиной, в ту вмятину, которую оставил Саша. Обнимаю себя за плечи. Тело дрожит мелкой, неконтролируемой дрожью. Слез уже нет. Чувствую только усталость и холод, который идет изнутри.

Я сижу так, может, минуту десять. Смотрю в темноту, а потом на перевернутую фотографию в рамке.

Зачем оставаться? Бороться? Делить эту квартиру? Чтобы каждый день видеть этот диван, зеркало и... кровать? Чтобы дышать воздухом, пропитанным его предательством? Чтобы растить ребенка в месте, где каждый уголок кричит о лжи?

Нет.

Я встаю с места. Надеваю первое попавшееся под руку пальто из прихожей. Открываю дверь. Выкатываю чемодан, выношу сумку. А через пару минут хлопаю багажником машины. Металлический звук кажется невероятно громким в ночной тишине.

Сажусь за руль. Руки ледяные. Я снова завожу двигатель. На этот раз знаю, что не вернусь.

Бросаю последний взгляд на темный фасад дома, который был моим домом. В котором умерла моя любовь и началась новая, хрупкая жизнь.

Глава 3

Я отъезжаю от дома метров триста. Дорога темная, в глазах стоит пелена от усталости и слез. Но где-то на втором километре нога сама срывается с педали газа и жмет на тормоз. Машина резко останавливается у обочины.

Сердце колотится уже по-другому — не от боли, а от накатывающей, удушающей волны гнева.

Что я делаю? Я сбегаяю. Как провинившаяся. Как будто это я что-то натворила. Упаковываю свою жизнь в чемодан и тайком ускользаю в ночь, оставляя ему поле боя чистым. Оставляю его в нашем доме, в нашей постели, с нашими воспоминаниями. Это же несправедливо. Это Саша все испортил. Он разбил наш мир.

И он даже не узнает, как это было больно. Не увидит моих слез в машине. Никогда не поймет, что я ощущала, когда я собирала вещи. Он просто придет в пустой дом и... что? Пожмет плечами? Решит, что я сошла с ума? Или, что хуже, вздохнет с облегчением?

Нет. Так не пойдет. Он не отделается моим молчанием и тихим исчезновением.

Резко разворачиваю машину, колеса визжат по асфальту. Во мне больше нет страха или растерянности. Кажется, я остыла и начала здраво рассуждать. Еду обратно. Возвращаюсь в этот дом.

Не позволю той дряни, над которой сжалилась и начала помогать. Не позволю ей вести себя так, будто она что-то значит, а я пустое место.

Я, между прочим, добилась всего в этой жизни сама! Стала успешной. Три года Алекс таскался за мной, не оставлял в покое. А теперь я просто возьми и уйду?

Нет. Мне нужны ответы на мои вопросы. Хватит ныть.

Зачем сбегать? Он должен прийти. Должен посмотреть мне в глаза. Обязан сказать мне все в лицо. Те самые слова, которыми он предал нас сегодня днем. Не по телефону и не через адвоката. Здесь, на нашей территории, которую я не собираюсь ему просто так отдавать. Мы должны решить все по-человечески.

Снова паркуюсь у гаража, выхожу, с силой захлопываю дверцу.

Я не беглянка, а хозяйка, которая требует ответа.

Прохожу в гостиную, включаю свет. Он режет глаза.

Сначала слушаю каждый шорох. Гул холодильника на кухне, тиканье часов в кабинете. Каждый звук кажется скрипом шин его машины. Но ничего подобного нет, конечно. Это все мое воображение.

Да, мне не очень хочется общаться с мужем, но и сбегать не выход. Он должен ведь объясниться. Мы культурные люди. И вроде бы адекватные. Почему он ранее не мог сказать, что больше нет чувств? Столько лет жили вместе, столько общих воспоминаний. И Саша решил так подло поступить со мной? Почему?

Часы показывают три ночи. Тишина.

Четыре. Абсолютная тишина снаружи.

Пять. За окном начинает светлеть, ночь растворяется в грязно-сером предрассветном тумане. Его все нет.

Гнев, который гнал меня обратно, медленно тает, оставляя после себя усталость. Он не придет. Он даже не подумает вернуться домой. Потому что то место, где он был вчера, — вот его настоящий дом на прошлую ночь. С ней. Эта мысль больше не режет, а давит тяжелой железобетонной плитой.

Веки становятся неподъемными. Голова клонится к подушке дивана, которая все еще пахнет его одеколоном. Я больше не борюсь. Тону в этой усталости, в абсолютной тишине и

бессмысленном ожидании. Сознание расплывается, и я проваливаюсь в сон, где нет ни боли, ни картинок из кабинета, ни стука маленького сердца.

Меня выдергивает из небытия настойчивая вибрация. Она доносится откуда-то издалека. Открываю глаза. Свет из окон моментально режет сетчатку.

Тело одеревенело, шея болит от неудобной позы. А вибрация продолжается.

Мой телефон. Он до сих пор в сумке, брошенной у двери. Я со вчерашнего дня не вытаскивала его.

Поднимаюсь с дивана, иду к прихожей. Каждый шаг отдается тупой болью во всем теле. Наклоняюсь, роюсь в кармане сумки, нащупываю холодный корпус. Достаяю.

В шоке смотрю на экран, не понимая, к чему все это. Стелла для чего может мне позвонить? Чтобы насолить? Сказать, что эту ночь они провели с Сашей? Что безумно счастливы? Или что?

Усмехнувшись, бросаю телефон на журнальный стол и снова ложусь на диван. Я ни черта не выпалась. Чувствую себя ужасно.

Однако она слишком настойчива. Знаю, ничего хорошего не скажет, но... Не буду же я ее избегать? Зачем?

— Да, — отвечаю слишком резко, глядя на настенные часы. Почти двенадцать дня. Надо было позвонить в агентство, предупредить, что сегодня не приеду. Да и они наверняка мне звонили. И Оля тоже, скорее всего.

— Привет, сестренка, — тянет она издевательским тоном. — Ты это... Извини, ладно? Так получилось, что мы с Алексом влюбились друг в друга. Да, я хотела все тебе рассказать, честно! Но Саша все твердил, что рано. Что сам все скажет. Не знаю, сколько он еще молчал бы, если бы ты нас не застала.

— Стелла, я искренне верила тебе. Приняла, в отличие от других. Очень жалею, конечно. Но факт остается фактом: вы обвели меня вокруг пальца. Ну и ладно... На чужом несчастье свое счастье не построишь ведь. Да и бумеранг хреновая штука. Поэтому даже не сомневаюсь, что вы в итоге получите то, чего достойны.

— А достойны мы всего наилучшего, — смеется она. — Любовь — она такая. Появляется в самый неожиданный момент. Ты бы сестренке счастья пожелала, а не каркала...

Теперь смеюсь я. Это от нервов.

— Ты вообще дура? Что ты несешь, Стелла? Если я с тобой адекватно разговариваю, это не значит, что я...

— Ой, ну что же ты сделаешь? — перебивает. — Кто-то тебя поддержит-то? Брат обанкротился. Папая будет стрессовать слишком долго, и ему будет не до тебя. Оля... Ей самой нужна поддержка, знаешь ли... Олежек сейчас себе места не находит, вот-вот за решеткой окажется из-за отмывания денег.

Я без понятия, что она имеет в виду. Кажется, несет какой-то бред, совершенно не соответствующей реальности. Будь столько всего, я бы наверняка все знала. Да и Оля обычно раньше всех в курсе, что происходит в нашей семье. Не случилось же все за одну ночь, верно? Это невозможно!

— Стелла, ты будешь гореть в аду. Я тебе обещаю.

— Как горюшь сейчас ты, Настюша? Ты не переживай за меня, ладно? О себе, своей работе думай. Глядишь, и ее отниму. Кстати, ты не жди Алекса. Он со мной. Душ принимает. Мы всю ночь любовью занимались. Только пришли в себя. Планируем на отдых улететь, подальше отсюда. Он такой горячий... Как ты не смогла его ублажать, не пойму. Такой секси.

— Сука. Шлюха! — рычу от злости. Хочу отключиться, как слышу:

— Сейчас, милый, присоединюсь к тебе, — говорит Стелла и сразу же прерывает звонок.

Телефон выскальзывает и падает на пол. Господи, как же быстро изменилась моя жизнь. Она буквально разорвалась на куски.

Сидя на диване, смотрю в одну точку на стене, но не вижу ее. В висках набатом стучат слова Стеллы:

«Он со мной. Душ принимает. Мы всю ночь любовью занимались».

Фразы, которые врезаются в мозг, как раскаленные гвозди.

Я ждала мужа. Сидела на этом диване, изломанная, но все еще надеюсь... на что? На объяснения? Раскаяние? А он... он был с ней. Каждую секунду этой долгой, мучительной ночи, пока я металась между яростью и отчаянием, он был с ней.

Меня начинает трясти. Я смотрю на свои руки — они трясутся так, как будто я на морозе. Я пытаюсь сжать их в кулаки, чтобы остановить эту лихорадку, но пальцы не слушаются. Они деревянные и непослушные.

Подкатывает тошнота. Горький привкус заполняет рот. Я делаю резкий глоток воздуха, но он застревает где-то в груди.

Саша не просто изменил. Мимолетная связь, пьяная ошибка — это было бы тоже предательством, но другим. А то, что сделал он... Настоящая измена, намеренная.

Боже мой, как же больно.

А я... я просто не смогла его «ублажать». Это наверняка его слова. Оценка, пересказанная этой тварью.

Липкое и удушающее унижение накрывает с головой. Я не просто обманутая жена. Я — неудачница. Слепая! Дура, которая верила. Которая защищала сводную сестру перед всеми. Которая считала, что она ни в чем не виновата.

Ну и Саша... думала, у нас любовь, а оказалось, я просто не справилась со своими обязанностями.

Ярость прорывается сквозь шок. Горячая и разрушительная. Мне хочется крушить. Швырнуть эту дурацкую вазу со стола. Разбить зеркало. Сжечь этот проклятый диван.

Но я не двигаюсь. Я парализована. Потому что за всей этой яростью — дно.

Все, во что я верила, было ложью. Все, что строила, рассыпалось в пыль. Наш брак, моя семья, моя уверенность в нем, в нас — все это оказалось хрупким фарфором, который они вдвоем разбили, а потом еще и топтались по осколкам, смеясь.

Встав, измеряю гостиную шагами. А потом медленно скольжу по стене на пол. Сажусь на холодном паркете, обхватив колени. Дрожь не прекращается, она бьет меня изнутри, сотрясает все тело. Я прижимаю лоб к коленям.

Алекс не придет. Он «планирует отдых». Со Стеллой.

Мои попытки быть сильной, требовать ответов, решать все «по-человечески»... Какая наивность. Какой жалкий, детский лепет. Пока я репетировала в голове достойный диалог, они уже вынесли приговор нашему браку и начали новую жизнь.

Так и сижу на полу в нашем пустом доме. И понимаю, что я здесь уже не хозяйка, требующая ответов. Я пустое место, от которого Саша хочет просто избавиться.

Тишину разрезает слишком неожиданный звонок в дверь. Резкий и настойчивый. Вздрагиваю всем телом, сидя на полу. Кто... Кто это?

Сердце, которое едва успокоилось, начинает молотить в горле. Кто там? Саша? Со Стеллой? Они приехали... насмеяться? Выгнать? Я не вынесу этого удара. Не выдержу.

Звонок повторяется. Длинно, нетерпеливо.

Поднимаюсь. Ноги ватные, голова кружится. Иду к прихожей. Останавливаюсь перед дверью и, выдохнув, смотрю в глазок.

У Саши есть свои ключи, поэтому вероятность того, что это он, отпадает.

Вижу... испуганное, бледное лицо Оли. Она стоит, кусая губу, ее глаза полны такой паники, что мне на секунду становится не по себе.

Не думая, я поворачиваю ручку и открываю дверь.

— НАСТЯ! — ее голос врывается в квартиру. Сдавленный, хриплый вопль отчаяния. Она влетает в прихожую, хватая меня за плечи. — Почему ты не отвечаешь на звонки?! Я обзвонила тебя пятьдесят раз! ПЯТЬДЕСЯТ! Со вчерашнего вечера! Я звонила в твое агентство, они сказали, тебя нет и что ты не выходила на связь, я... я с ума сходила! Я думала... Господи, я не знала, что думать! Почему ты молчишь?! И родителям ничего сказать не смогла. Они бы с ума сошли или инфаркт прихватили. Настя, что происходит, а?

Она трясет меня за плечи, пальцы впиваются в кожу. А глаза бегают по моему лицу, и я вижу, как в них что-то меняется. Паника отступает, уступая место ужасу. Она видит. Видит мое опухшее серое лицо. Видит пустой взгляд. Видит, как я мелко-мелко трясусь, как в лихорадке.

Открываю рот, чтобы что-то сказать. Чтобы объяснить. Чтобы выдать хоть один звук. Но вместо слов из меня вырывается стон. Низкий, животный, полный такой боли, что Оля мгновенно замолкает.

Ее гнев тает, как снег под паяльной лампой.

— Настенька... — голос сестры становится тихим, срывается. — Солнышко мое... что с тобой?

Это «солнышко» — как последняя капля. Как прорванная плотина. Внутри что-то рвется. Вся ледяная скорлупа, весь шок, вся ярость и попытки держаться — все это разлетается в щепки.

Я издаю звук, похожий на рык и на всхлип одновременно. Слезы, которых, казалось, уже не осталось, хлещут из глаз горячими, неудержимыми потоками. Тело слабеет, и я просто падаю на Олю.

Сестра ловит меня. Обнимает так крепко... Она не говорит ни слова. Просто держит, пока я рыдаю у нее на плече. Я не плачу, я именно рыдаю — с надрывами, захлебом, судорожными всхлипами, которые выворачивают наизнанку. Я плачу за вчерашнюю предательскую улыбку в кабинете. За ночь ожидания на диване. За голос Стеллы в трубке. За маленькое, преданное еще до рождения сердце под моим. За несколько лет, которые оказались пылью.

Дрожу в объятиях сестры, в то время как она гладит меня по волосам и спине. Прижимает к себе и шепчет в макушку, снова и снова, сквозь собственные слезы, которые я чувствую на своей шее:

— Все, все, я здесь. Я с тобой. Выдыхай. Все будет... Все будет хорошо. Просто плачь. Я здесь.

В этой истерике, в этом полном распаде есть горькое облегчение. Потому что я наконец не одна. Потому что кто-то пришел. Потому что кто-то звонил пятьдесят раз. Потому что кто-то испугался за меня. Значит, против меня не вся вселенная, как мне казалось буквально ночью. Есть хотя бы один человек, который пришел, испугавшись за меня.

— Оля-а-а...

— Что такое, родная? Саша не хочет малыша? Почему ты плачешь? Скажи мне? — обняв за талию, сестра тащит в гостиную и легким касанием руки толкает в сторону дивана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.